

УДК 802/809 (075.9)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРАНИЦАХ «ТРЁХ СТИЛЕЙ»

В.В. Колесов

Аннотация

В статье анализируется теория «трёх стилей» М.В. Ломоносова. Рассматриваются основные стадии развития русизмов и славянизмов в древнерусский период, а также взаимосвязи между ними. В работе использован обширный фактический материал, собранный из различных исторических источников. Приводятся соответствия групп русизмов и архаизмов, доказывається, что оппозиция между конкретно-простой и абстрактно-высокой лексикой не является генетически обусловленной. Прослеживается история развития трёхсоставной системы стилистического фонда русского литературного языка.

Ключевые слова: стиль, славянский лингвистический фонд, русский менталитет, оценка, аксиология.

Плодотворным и перспективным представляется рассмотрение примет основных стилей ломоносовской теории с исторической точки зрения, позволяющей объяснить, каким образом в развитии языка появлялись историзмы и архаизмы, откуда возникали неологизмы, как исторически происходило постоянное перераспределение слов в составе лексикона. Вопрос о русизмах и славянизмах может быть решён лишь на широкой дуге развития и становления славянской лексики, абсолютной границы между этими двумя категориями, в сущности, нет. То, что в XVIII в. стало функциональным распределением, до того развивалось генетически и проходило свои этапы.

1. Генезис славянизмов: древнерусский период

Только в древнерусских источниках XI – XIV вв. различными исследователями обнаружено порядка 750 определённых русизмов, то есть лексических (в качестве самостоятельного слова) или семантических (только по значению) единиц, которые по традиции признаются словами или значениями слов древнерусского (восточнославянского) происхождения. Из этого предварительного количества только 375, то есть половина, сохранились в современном русском языке, причём, как правило, в новом значении, потому что за прошедшие шесть-семь столетий слова и словарь в целом продолжали изменяться и, следовательно, были *живыми для русской речи словами* [1, с. 148].

В столь же обобщённом числовом выражении из 750 русизмов одна треть встречалась только в древнерусских памятниках, одна треть употреблялась в переносных (то есть символических) значениях, одну шестую составляли заимствования из соседних языков (прежде всего из греческого и отчасти из скандинавских),

примерно столько же обнаруживается и общеславянской по происхождению лексики. Сравнение утраченных и сохранившихся в русском языке слов показывает, что в число архаизмов и историзмов во всех группах лексики отошли слова, утратившие выражаемую ими реалию или связанное с ними понятие (идею). Поскольку все такие слова были конкретно однозначными по смыслу, их исчезновение связано с устранением из текстов типичных формул, в составе которых такие слова употреблялись.

Конкретные по значению слова сохранились: из сотни общеславянских – такие, как *дятел, желудок, корыто, муха, перина, решето, топор* и т. п.; из двухсот западно-восточнославянских слов сохранились *баня, броня, брюхо, жаворонок, зубр, кисть, лось, мотыка, окорок, плот* и другие; из собственно восточнославянских сохранились слова типа *белка, горшок, груздь, деревня, дерюга, куст, осока, собака*, в том числе и заимствованные *жемчуг, известь, кнут, ковёр, ковши, кровать, ларь, сапог, скамья* и т. д. Вместе с тем исчезли даже лексемы с восточнославянскими формальными признаками (например, полногласные), если они утрачивали своё предметное значение (ср. *волога, волот, на вороп, наполома, перескок, пороча, располон, серен, соломя* и пр.). Наоборот, слова, общие у восточных славян с южными, сохранились только в том случае, если с самого начала они имели отвлечённое значение (ср. *болезнь, жизнь, недуг, письмена, пучина, совесь* и некоторые другие).

Из этого можно сделать вывод, что совпадение древнерусской и западнославянской лексических систем издавна составляло некоторое единство материального фонда слов, откуда вышел и коренной слой русской народной речи (в русских говорах он сохраняется больше, чем в литературном наречии), который, таким образом, является органическим продолжением местной традиции западно-восточнославянского единства, тогда как лексемы, связывающие древнерусский язык с южнославянской лексикой, есть результат позднейшей культурной (христианской, книжной) традиции.

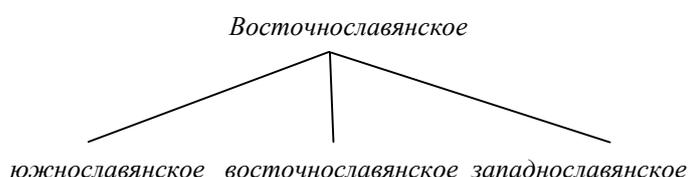
По приведённым примерам заметно, что южнославянские заимствования стали словами полностью русскими, они входят во все стили литературного языка и употребляются в диалектной речи (хотя и в изменённой форме: *болесь, жисть, совесь*), но также и многие древнерусские русизмы стали славянизмами с течением времени. Понятно, что не генетическое происхождение слова было основанием вхождения в высокий стиль, а «славянизм» как стилистическая категория является исторически обусловленной категорией **отбора** книжной лексики.

В западно-восточнославянском лексиконе новые речевые формулы в древнерусский период уже не создаются, не развиваются и переносные значения слов, поскольку такие значения уже существуют как общая принадлежность восточных и западных славян. В южно-восточнославянском же переносные значения ещё развиваются по линии, заданной литературными текстами, и за этим ощущается толчок, данный христианской культурой текста. Сильным своим напором новая традиция как бы перекрывает древнеславянскую (узко – северную славянскую) культурную традицию язычества. Если все лексические заимствования из древнеболгарского языка признать словами высокого стиля, следует связать это с тем фактом, что это книжные заимствования, полученные

в христианских формулах речи. Например, слово *совесть* попало к нам в сочетании *чистая совесть*, а слово *жизнь* в сочетании *вечная жизнь*.

Многие из «югославянизмов» исчезли в современном русском языке (*лижика, гвор, зобница, каженик, котора, опыни, хусарь, шида* и подобные конкретные по значению), но материально многие из них всё же существуют, они известны не только русским говорам, но и украинскому и белорусскому языкам. Исчезали не сами слова, а система отношений, то есть узואальное употребление, основанное на развитии системы и изменяющейся культурной обстановки.

Из материала ясно, что противопоставление конкретно-бытовой и отвлечённо-высокой лексики не является генетически обусловленным, то есть первая группа не восходит к восточнославянской лексике, а вторая – к южнославянской. Это противопоставление функционального происхождения, создаётся как состояние литературного (уже) языка в результате противоположности фактов разной степени авторитетности: бытовая лексика имеет западно- и восточнославянское происхождение (её корень – в языческой среде более раннего, генетического родства), а отвлечённо-высокая лексика – юго- и восточнославянское происхождение (это результат христианизации, появления текстов новой для славян культуры). Восточный регион славянского мира, древнерусский язык, представлен как носитель обоих членов оппозиции, а это значит, что именно в нём в определённый момент возникала функциональная необходимость в данном противопоставлении. Эта необходимость определялась развитием самой системы языка, а не давлением извне. О том, что она возникала в эпоху Средневековья, свидетельствует сама оппозиция средневекового типа, когда в качестве рода выступает один из видов:

Важно и то, что нижний слой общеславянской по происхождению лексики, обслуживающий бытовую сторону жизни, постоянно и неизменно остаётся вне «литературного» канона, никогда не поднимается в высокие жанры литературы, поскольку соответствующие реалии этой литературе выражать не нужно, а конкретное по значению слово не несёт в себе символ и не выступает в качестве собирательно-отвлечённого понятия. Относительно реалий важно, что значения бытовых слов обычно представлены как конкретно-видовые, ни при каких условиях они не становились словами родового значения, гиперонимами, в которых как раз и нуждается литературный язык. Ср. историю слова *одежа, одежда* и конкретные именованья одежд, представленные в древнерусских текстах: *кожух, копытца, полсть, свита, паволока, паполома, луда, прабошни, наногва, опашень, узорочье, порты, сукно* и т. д. То же касается еды, видов оружия, запасов, имущества, посуды, многочисленных болезней, частей тела (без символических номинаций) и т. п. при наличии объединяющего их всех гиперонима, который и становится словом литературного языка: *одежа* до XV в. и *одежда* после того, также *пища, обуца, имение* – слова, отглагольные по образованию, ср. *одежда < одетися, пища < пити, имение < имети* и т. д.

Здесь выражается не конкретность вещного мира, а сущность общей идеи, выделенной из действия. Это даёт основание полагать, что возникшее впоследствии расхождение между высоким и «посредственным» стилем есть расхождение между номинацией идеи и соответствующей ей вещи, то есть отражает возникшее в XV веке философское представление реализма (эссенциализма) о двойственной ценности мира (элемент новой христианской идеологии).

Это предположение доказывается следующим неоспоримым фактом: дальнейшее развитие семантики гиперонимов происходило уже без накопления лексических единиц (в том числе путём заимствования или калькирования), посредством простого перебора наличного состава русской лексики, причём обычно не парами, как в дохристианских словесных формулах (что отражает присущую им эквиполентную оппозицию), а по три, согласно новому символу Троицы (что отражает «христианскую» градуальную оппозицию), и из них избираются отвлечённо-родовые по семантике слова: *кручина* – *недуг* – *болезнь*, *живот* – *житие* – *жизнь* и т. д. На этом этапе, начиная с XV в., в книжном языке «литературность» заключалась уже в сознательном отборе языковых единиц, необходимых для создания авторитетного образца согласно требованию «достоинства» и «нормы». Неспособность развивать символическое или родовое значение (равное понятию) «держит» слово любого происхождения за пределами литературного языка.

Но гипероним останавливал процесс развития переносных значений данного слова, поскольку создание символа в результате завершалось. Тем самым последовательное обобщение семантики конкретного слова происходило уже в границах нового литературного языка, никак не связанного с генетическими его источниками. Возникали семантические русизмы литературного языка, превращая любое слово в слово собственно русского языка. При этом в древнерусский период основной семантический процесс проходит в режиме метонимии, поскольку метонимический перенос является типичным именно в устной речи и отражает связь между предметным миром, а не между признаками номинации (как метафора), и притом осуществляется только контекстно.

Это явление представлено многими типами: среди 145 примеров переносных метонимических значений, отмеченных среди русизмов древнерусского языка, преобладают переносы «часть – целое» (*безгодие* ‘плохое время’ > ‘бедствие’), «целое – часть» (*бервь* ‘настил’ > ‘плот’), «отвлечённое – конкретное» (*гной* ‘скверна’ > ‘навоз’), «конкретное – отвлечённое» (*кручина* ‘желчь’ > ‘печаль’), «субъект – объект» (*страшный* ‘устрашающий’ и ‘страшащийся’), особенно много переносов по функции (*полк* ‘куча, толпа’ > ‘бой, сражение’, *острог* ‘частокол’ > ‘крепость’, *порты* ‘ткань’ > ‘одежда’ и др.). Направление переноса могло быть и обратным указанному (ср. *скот* ‘скотина’ > ‘имущество, деньги’ или наоборот), но это несущественно: важно само изменение значения слова по метонимическому признаку, когда изменяется предметное значение слова, упор делается на вещь, а не на идею.

Все эти переносы можно подвести под соотношение «род – вид», то есть простейшее логическое движение мысли, из общего выделяющей частное или, наоборот, частное подводящей под общее. Таковы операции с внешними сознанию предметами, ещё не охваченными сходством или различием признаков.

2. Архаизмы в Азбуковнике и словаре Татищева

XVI век в эту систему внёс другой принцип развития новых значений: на основе утвердившегося реализма с его опорой на слово-логос происходит энергичное выделение самостоятельного слова как автономной лексемы, которая теперь способна к развитию метафорических переносов, усиливающих возможности образования символов (например, в использовании названий животных при номинации человека) и готовящих язык к переходу символа в понятие.

Сравним показания Азбуковника середины XVI в. (связанного с деятельностью Максима Грека в России) с рукописным словарём 30-х годов XVIII века, предположительно составленным В. Татищевым [2, с. 136–278; 3].

В Азбуковнике из 2283 слов всего около 320 славянских лексем, большинство из них являются общеславянскими по происхождению. Здесь представлена по преимуществу конкретная лексика (1), но в той части, которая связана с книжными текстами, толкуется и отвлечённая (2):

1) *близнята – двоенки, брадовъ – топор, бѣгунъ –ходець или борзоходець, выа – шея, вертепъ – пещера, чаца – срачица, горнець – горшокъ, делва – бочка, жезель – посохъ, жюпель – сѣра, корста – гробъ, клюся – лошадь, конобъ – котел, латка – черепенка, ляца – горохъ, люца – копие, лой – сало, мотыка – лопата или заступъ, мотыла – каль, овень – баранъ, рама – плече, розга – вѣтвь, смокъ – змиа, тина – грязь, тобола – пища и т. д.;*

2) *благовоние – доброухание, буйство – юродство, бляди – лжа, вземствовал – насилствовал, искрении – ближнии, качьство – еСТЬство какому еСТЬ, мудръствуют – мысляют, нещую – мню, наглъ – напрасень, обавил – оговорил, не ревнуй – не завидуй, рѣснота – истинна или правда, уняше – лучше, хотяше или веляше, художество – хитрость или ремесло рукодѣлия и т. д.*

Оба словаря – переводные, одинаково дают пары слов «славянское – русское», иногда слова толкуются за неимением эквивалента, как в Азбуковнике: *Кринь есть трава тако именуема, благоуханна и трилиствена. Крины паки глаголются цветы полския (полевые);* ещё нет соответствия *кринь – лилия*, но уже имеется указание о том, что *лилии, рясны златыя, подобны цвету лилии; лилии же есть цвет немаль и толсть, а видомъ бель, аки млеко.*

Словарь XVIII в. даёт слово без пояснения, но иногда в паре с русским: *беременна – чревата, брюхата.* Здесь «славянизм» показан в форме русского полногласия *беременна* (ср. *бременети – обрюхатети*), причём в Азбуковнике находим *брежевата – чревата, или непрадна, възбрежева – чревату сотвори,* что указывает на недавнее происхождение слова *беременна*. Ср. также:

- *бунт* – слав. *рокошъ* (др.-рус. *рокушъ*), *мятеж, смута, волнование* (соврем. *волнение*), *шатание* (целый ряд русских и «славянских» слов в пояснении к германизму *бунт*);

- *варега* – *вязаницы, слово сарматское* (скандинавизм *варега* становится диалектным словом);

- *глива* – *плод* (украинизм в значении ‘груша’ поясняется родовым по смыслу словом).

Между двумя словарями нет уже соответствия в значениях слов. Так, в Азбуковнике *буйство* поясняется словом *юродство*, а в словаре XVIII в. обнаруживаем

перестановку: *глупость* – *буйство*; в Азбуковнике *саранча* – *акриды* (объяснение греческим словом), а в XVIII в. *прузи* – *саранча* (слово стало русским и поясняет славянизм).

В целом в Азбуковнике больше архаичных слов, утраченных русским языком: *белегъ* – *знамя*, *белчюгъ* – *кольца*, *вѣнь* – *гласове*, *гребля* – *острогъ*, *глезни* – *голени*, *лаина* – *каль*, *лѣхи* – *ширѣчь* *грязи*, *иже в огороде*, *нетии* – *племянникъ*, *мечка* – *медведь*, *стрый и уй* – *дядья*, *усмия* – *кожи*, *цаты* – *денги*, *цаста* – *путь*, *чашуля* – *шивада*, *череца* – *куца*, *чагъ* – *зепъ*, *щукъ* – *шум*, *ядно* – *жже-ние*, *яха* – *ожерелие* и т. д.

В словаре XVIII в. диалектные и просторечные слова поясняются наряду с общерусскими, не всегда ясна их стилистическая определённость, поскольку все они – русские («российские»). В одних случаях (1) архаичны и непонятны уже общеславянские слова, в других (2) имеются и слова, сохранившиеся до сих пор (выделены в перечне), но с изменившимся значением. Значения слов изменились уже к началу XVIII в.; сравнение со словарём Татищева показывает, что славянизмы сохраняют свой статус (стоят первыми в парах слов (1)), но отчасти изменили значение (2):

(1) сл. *бисер* – р. *жемчуг*, *ваятель* – р. *ѣзчикъ*, *ветрило* или *парусъ*, *вечера* или *ужина*, *воня* – *запахъ*, *выя* – *шея*, *жезлъ* или *посохъ*, *жид* – *евреи*, *жупел* – *сера горячая*, *искреннии* – *ближнии свои*, *исполинъ* – *богатырь*, *ланита* – р. *счека*, *шидатка* – *плошка черепен*, *коливо* – *кутия*, *онагр* – *лошак*, *лошедь дикая*, *оцет* – р. *уксус*, *кусча* – *дѣбрь*, *пустыни*, *рамо* – *плече*, *реснота* – *истина*, *подлинность*, *правота*, *розга* – *лоза*, *прут*, *рота* – *ротва*, *божба*, *рясны* – *украшение камением* и т. д.;

(2) *дѣбрь* – *ровъ глубокъ* > *лес*, *пустыня*; *здо (зодъ)* – *зданице камено* > р. *кровля*; *зелие* – *сурово глаголется* р. *ѣпа*, *ретка*, *морковь*, *чеснок* и *подобная сим* > *трава*, *корешки*; *зѣло* *есть речъ сербьска*, *а толкуется зело вельми* > *весьма*, *очень*; *злакъ* – *трава потребна в пищу животным* > р. *зелень*; *качество* – *естество каковому есть* > *доброта*; *ковъ* – *лестъ* > *совет*, *бунт злонамеренный*; *лагодно* – *угодно или вѣжливо* > *вкусно*, *приятно*; *купина* – *куст мелких древецъ* > *куст*, *терновник*; *мотыла* – *каль* > *навоз*, *гной*; *обавание* – *оговор* > *заговор*, *заклинание*; *отреби* – *вещъ непотребна*, *яко отрепи лняные*, *иже в по-пране человеком пометаються* – р. *отруби*, *мекина*; *пажить* – *поле злачно* > *кормно*; *позоръ еже что бывает с удивлением зримо* > *поношение*; *степень* – *лѣствица* > р. *ступень*; *трапеза* – *столь* > *обед* и т. д.

Отдельные слова могли разрастаться в словообразовательном плане, ср.: *родъ* – *отнележе родится человек*, *родѣны* – сл. *рождение*, *рѣдины* – *отечество*. За полтора столетия произошла перестройка словарных запасов книжного языка, но оба словаря совпадают в одинаково отрицательном отношении к вспомогательной лексике, лишённой номинативного значения.

Приведём соответствующие слова в Азбуковнике (1) и у Татищева (2):

(1) *бохма* – *отнюд или всяко*; *бошию* – *всяко*, *еже есть отнюд*; *вскую* – *что ради или почто*; *весма* – *отнюд или всяко*; *елма* – *а понеже*; *еле*, *едва*, *а невѣжьскы реци толко*, *чють*; *искръ себе* – *близ себе*; *зело толкуется вelmi*; *негли (некли)* – *еда или а любо*, *иногда*; *свѣне* – *кроме*; *ошуть* – *туне*, *рекше*

даром; присно – всегда или истинно; опять или еще; спроста – отнюд или всяко; цеца – ради; яко, зане или какъ; яковъ – каковъ;

(2) *вотсче – напрасно; вскую – р. для чего, почто; всуе – вотсче (!); всюду – везде; втай – тайно; для – сл. ради; долу – вниз, zde – р. здесь; зело – жестоко, свирепо; зело – весма, очень; иже – р. который; крат – р. раз; раз – сл. крат, двараз; куда или куды; купно – вместе, обще; лише или толко; междо – меж, промеж; наполю – пополам; напрасно – 1) безвинно, даром, низачто, вотсче, 2) внезапно, незапно, нечаянно; напред – прежде; наприклад – например; нарочком – нарочно; наружно – явно, видно; негли – либо, иногда; нешто – сл. нечто; ныне – сл. днесь; обаче – р. однако; ово – иногда; окроме – сл. разве; окрест – около, кругом; оле! – ах!; оный – той; опричь – кроме; опять – паки, есче; отнеле – оттого времени; отнюдь – никак, ниже; отселе – р. отсюда, от сего времени; очунь – очень, сл. весма; паче – пусче; перьво – прежде; подле – возле, при; покамест – дондеже, до коих мест; поне – хотя, зане; по ту сторону – сл. об он пол; похоже – подобно; право – прямо; пре – паче; присно – всегда, сусче, подлинно; приточно – касательно; пусче – паче; равно – подобно, власно; ради – наречие, р. для; сряду – споредь; стройно – статно, трудно – тяжело и т. д.*

Из представленного материала видно, что составители словарей колеблются при классификации слов; это не стилистические, а толковые словари, задача которых состоит в том, чтобы соотнести заголовочное слово с равнозначным ему, заведомо известным читателю словом. Отсюда странные несовпадения, в результате которых, например, в Азбуковнике слово *отнюдь* толкует славянизмы *бохма, бошию, весма*, а в словаре Татищева слово *весма* толкует и русское *очунь*, и славянское *зело*, да и *отнюдь* само входит в состав славянизмов (*отнюдь – никак, ниже*). Иначе и быть не могло, потому что в ходу были церковные тексты, использовавшие всю эту устаревшую лексику как вполне актуальную в употреблении.

Полная неразбериха объясняется также тем, что устаревшие слова остаются многозначно синкретичными по смыслу и употребляются исходя из степени образованности (начитанности) авторов и в соответствии с целями комментирования текста. Лексический состав языка не урегулирован и представлен в общем виде как «российский язык». Задача состояла в переводе по какой-то причине неясного, полузабытого или неизвестного слова более знакомым. Авторам не могло прийти в голову признать устаревшими и тем самым ненужными какие-либо из слов, тем более представленных в библейском тексте. Многие из таких слов только-только получили права самостоятельной ценности в отрыве от контекста формулы, к ним относились с должным уважением. Иное дело – вспомогательная лексика, которая не только утратила все связи с контекстом, но и лишилась своей образности, то есть логической мотивации собственного номинативного значения. На волне такого смешения и началась выработка новых синтаксических средств выражения со специализацией значения и точным указанием на характер синтаксической связи.

3. «Новые» славянизмы в XVIII веке

Итак, XVIII век принял от прошлого все традиционные для русского языка особенности отображения изменяющегося мира словом. Традиция развивалась,

метонимические переносы стали словарными, метафорические (как только что совершившиеся) оставались индивидуально-текстовыми, но и они происходили в живом русском слове, последовательно вырывая из состава «славянизмов» всё новые «русские слова», более того – создавая всё новые «неославянизмы», структурно славянские, но семантически русские слова.

Пропустим словари белоруса Лаврентия Зизания («Лексисъ...» (1596)) и украинца Памвы Берынды («Лексиконъ...» (1627)), в которых соотношение русизмов и славянизмов ещё раз изменяется. Но и в 1704 г. в словаре Фёдора Поликарпова к числу славянизмов отнесены слова самого разного происхождения: *изверг, безумно, свидетель, расстояние, коварно, влечь, обещать, доблесть, качество, количество, свойство* и др., причём многие из них славянизмами являлись только по форме, то есть согласно звучанию. Расхождение между звучанием и значением теперь становилось выразительным признаком отнесения слова к той или иной группе лексики, и то, что казалось славянизмом, на самом деле не всегда им являлось. Так, глагольная форма *обаваю* славянская, а форма *обаяю* – русская, но общее (не переносное) значение у них совпадает, причём русская форма получает в конце концов отвлечённое значение – то самое, которое должна бы сохранить форма славянская.

К числу определённых славянизмов в составе русского литературного языка А.А. Шахматов относил множество слов (*близнецы, блуждать, бремя, вещь, владеть, воздух, возраст, воспитать, едва, знак, извратить, изрядный, казнь, мощи, мрамор, надменный, настоящий, окаянный, отнюдь (!), падеж, победа, польза, потребный, праздник, призрак, пространство, раздражать, собор, согласный, стремглав, суета, суббота, супруг, существо, торжество, требовать, тще-славие, устранить, ухищрение, целомудрие, чаяние, чувство, шествие, яства* и т. д.) – и почти все они славянизмы по форме. «С представлениями об этих словах часто связываются понятия, чуждые житейской обыденности; это или книжные понятия, или церковные, или отвлечённые; ясно, что отсутствие соответствующего народного слова было причиной сохранения в нашем языке этих слов» [4, с. 246].

Это не совсем верно: слова типа *блудить, беремья, володеть, вздох, одва, выворотить* и др. того же рода были в составе «русского» языка, но они выражали именно «понятия житейской обыденности». Славянизм передавал не «понятие», а общую «идею», в том числе и отвлечённую идею вещи. Но осознано это было только в XVIII в., и потому к концу XVIII в. распределение славянизмов и русизмов получает законченно-нормативный характер – в «Словаре Академии Российской».

В этом словаре пометой «славенское» снабжены слова, которые в «Общем церковнославянско-русском словаре» П.И. Соколова (1834) употреблены без помет (*влага, владыка, вождельть, возбранять, враждебный, враг, вредить, едва, крамола, крат, малOVER, чуждый* и т. д.), а слова, имеющие такую помету у Соколова, в словаре 1847 г. также употребляются уже без пометы «славенское»: *мерцать, создание, шествие, юный* и пр. – во всех случаях речь идёт о фонетически оформленных славянизмах, постепенно адаптировавшихся в русской речи.

Расширение русизмов за счёт славянизмов продолжалось и далее. Слова, признанные славянизмами в 1847 г., в Толковом словаре В.И. Даля (1863) уже

даны без помет (*беззаконный, безрадостный, единение, единоборство, жупел* и др.): они освоены русским языком фонетически и по своим словообразовательным моделям, они семантически самостоятельны и функционально активны, входят в системные связи русских слов и потому являются определённо русскими словами, как являются ими многочисленные заимствования, прошедшие соответствующую языковую обработку (тем более что славянизмы испытали изменение значения, ср. такие слова, как *возбуждать, возмущать, восхищать, извращать, изящный, общество, отчуждать, смущение, суждение, утверждение, учреждение, чуждаться* и под.).

Слова, по определению Ломоносова, общие для русского и славянского языков, в большей степени различались формально: *бремя – беремя, вождь – вожь, враг – ворог, вхождение – вхожение, жажда – жажса, изящный – изячный, между – меж, мрак – морок, надежда – надежа, общий – обчий, плен – полон, срам – сором, хождение – хожение* и др., причём сохранились только такие пары, которые соответственно выражали конкретное и абстрактное (типа *порох – прах, морок – мрак, полон – плен*).

Наоборот, те славянизмы, которые имели конкретное значение, из употребления в русском литературном языке вышли, поскольку в русском для соответствующего значения были слова собственные: *агнец, брада, брег, вежды, вран, глад, днесь, дочь, озеро, рамо* и др., хотя в качестве историзмов и поэтизмов они ещё использовались в художественных текстах.

Таким образом, действительным регулятором распределения русизмов и славянизмов после реформы Ломоносова стал *логический принцип разграничения лексического материала*, в основе которого лежит «реалистское» распределение равноценных для реализма категорий: «вещь» и её «идея».

В.В. Замкова справедливо полагала, что термины «церковнославянизм» и «неославянизм» неудачны: первый указывает на происхождение слова с подозрительной генетической репутацией (может быть калькой, а может быть и устаревшим русизмом), второй – «термин совершенно неудачный», поскольку «нео» возможно лишь в развивающемся языке: таковым был русский (следовательно, «неорусизм»?), а не мёртвый к тому времени церковнославянский [5]. Единственно удачный термин – «славянизм». По её подсчетам, в «Словаре Академии Российской» помета «сл.» употреблена 3549 раз (всего в словаре 43500 слов), причём 222 слова первого издания исключены из второго, но зато добавлено 542 новых слова. Текучесть словесной массы указывает неустойчивость границ «славянизмов».

Основная примета славянизма – его форма, но анализ показывает, что на самом деле многие слова восходят к общеславянскому языку (*бдеть, блюсти, бодрый, борзый, вельми, ввергать, витать, воня, глумиться, грясти, дерзати, купа, лжа, лихва, лик, мгла, мзда, мыто, недро, плоть, рыдати, свара, скверна, сень, тризна, целить, баба, буря, ветхий, зверь, зло, конь, ярый* и под.) и только некоторые из них относятся к собственно церковнославянским (*брачный, ваять, вещать, косный, кромеиный, присный, снедать* – преимущественно прилагательные и глаголы, то есть слова заведомо вторичные по образованию). Остальные к числу славянизмов отнесены просто по их устарелости (*дерзать, грясти*), употреблению преимущественно в церковных текстах или даже по внешней

оппозиции типа *конь – лошадь, пёс – собака, зверь – животное, врач – лекарь* и др., тогда как общеславянские лексемы представлены как славянизмы и толкуются либо заимствованием, либо историческим славянизмом: *риза – одежда, броня – панцирь, котва – якорь, тул – колчан, масть – бальзам, око – глаз, наузы – амулет* и т. д.

Итак, новые славянизмы – преимущественно результат намеренной архаизации стиля в границах классицизма либо последовательное заполнение «пустых клеток» в оппозиции «конкретное (вещь) – отвлеченное (идея)». «Заполнение клеток» продолжалось и в первой половине XIX в., когда славянизмы как стилистическая категория уже были утрачены.

4. Средний и низкий стили в XVIII веке

Средний и низкий стили противопоставлены высокому как проявления русского («российского») языка.

Средний стиль есть идея, составленная на пересечении символической церковнославянской и образной русской речи с определённой целью: создать «понятийную» речь как средство для выражения понятий. Наличие среднего стиля определяется только на лексическом уровне, способном проявлять конечную содержательную форму слова – *понятия как явленного концептума* («первосмысла»). Наоборот, в фонетике и грамматике вместо трёх стилей оказались возможными только два: высокий и «посредственный», каждый со своими особыми нормами. В таком случае роль среднего стиля, нейтрализующего противоположности, стало исполнять смешение высокого и «посредственного», то есть распределение форм типа [горад] и [блауо] или [небо] и [нёбо] исходя из стилистических различий, переходящих в смысловые.

Соотнесение однозначных «как бы» синонимов высокого и низкого стилей на самом деле не синонимично: это скорее **перевод** с одной системы знаков на другую. И это заметно по спискам «синонимов», установленных Ломоносовым в материалах к «Российской грамматике», ср.: *лешей, полудница, шиликун, водяной, домовой, бука, нежить, кикимора, яга баба, отмены – вспомнить все их действия: змей летает, с лешим будто бабы живут... черти живут в омутах и водоворотях... у леших лева пола наверху, тени нет... домовой давит <...> мзда, воздаяние, возмездие, плата, цена <...> печаль, кручина, скука, тоска, грусть, уныние, скорбь, сокрушение* и т. д.

Это скорее «лексикон русских примитивов» в одном случае и лексико-семантическая группа лексики в другом. Главное свойство таких рядов состоит в том, что среди них не найдены гиперонимы, объединяющие весь ряд близкозначных слов видového качества. Но соединение языковых форм в тексте могло представлять известное сходство, и сложившиеся в системе отношения определяли место слова в стилистическом ранге: *воньми – внимай – внемли; ныне – нынче – днесь; тщетно – напрасно (зря) – вотще; точию – точно – токмо; персть – пыль – прах; вещать – сказать – реци* и под. выделяют некий средний член, который по своей употребительности может претендовать на нормативный вариант, то есть оказывается проявлением среднего стиля. Для этого необходимо было получить третий член пропорции.

«Простый слог» явлен в противопоставлении церковнославянским высоким словам и, как немаркированный, он имеет варианты, снабжённые в «Словаре Академии Российской» (САР) пометами:

а) *просто* (3-я группа) – только письменная форма разговорной речи, функционально равная «славенской» (различия между вариантами формальные, ср. *есень* – *осень*, *мощь* – *мочь*, *вран* – *ворон* и под., которые не даны в САР как самостоятельные слова);

б) *просто-речие* (4-я группа) – речение, то есть как говорят в обиходной речи;

в) *просто-народное* (низкое просторечие, 5-я группа), то есть «говорящий народ», которому принадлежат обе последние категории, находящиеся в дополнительном распределении, а у Ломоносова отмечены в 5-й группе слов.

Просто – вовсе не «грубо», в старом значении слова это значит «открыто» для изменений, уточнений и добавлений (в отличие от законченности «славенской» лексики); *просто* – «пусто» место, которое может быть и будет заполнено как «среднее», а среднее, согласно русской ментальности, это опять-таки *пусто*. В схеме Ломоносова 2-я группа (слова, общие русскому и славенскому) является промежуточной между группами 1 и 3; таким же медиатором между группами 3 и 5 выступает 4-я группа лексики (здесь преимущественно сосредоточены слова 5-й группы в переносных значениях – «образ образа», то есть такой же символ, как и у слов 2-й группы). Таким образом, эквиполентная по существу оппозиция «русское – славенское» разбивается на конструктивную градуальность, с тем чтобы в конце концов, к завершению века, предстать привативным принципом «конкретность – отвлечённость». Так действовал механизм выработки понятийных значений на основе столкновения символов верхнего ряда и образов ряда нижнего.

Границы между тремя степенями приметы «просто» зыбки и также постоянно изменяются в зависимости от места и времени речи [6, с. 95–160].

Просторечные слова поднимались вверх по мере утраты свойственных им грубости, эмоции и экспрессии – образного флёра, они стали стилистически нейтральным средством выражения понятий, тогда как простонародные слова (диалектные) очень редко входили в сферу литературной нормы (среднего стиля), да и то только в XIX в. (*животрепещущий*, *мякотелый*, *подоплёка*, *сплотить* и др.). Ещё в XVIII в. в литературных текстах (то есть в языке литературы) могли употребляться слова типа *ась*, *гайтан*, *домовище*, *куликатъ* ‘пьянствовать’, *кручина*, *ляд* ‘несчастье, неудача’, *честить* ‘угощать’, *чечениться* ‘жеманиться’ и т. д., то есть они входили в разряд «просто», но, как противопоставленные другим русским словам, более распространённым, они уходили из употребления (*ась?* = *а?*, *гайтан* = *шнурок*, *домовина* = *гроб* и др.). Стилистически не нормализованное, просторечие оставалось открытой системой.

Некоторые слова, согласно САР, разбиты семантически надвое: одно значение слова остаётся «славенским», другое (как правило, переносное) уже просторечное: *всяко* ‘непрерывно’ (слав.) – ‘неодинаково, так и сяк’ (прост.); *путаница* ‘спутанные нитки’ (слав.) – ‘пустые речи, враки’ (прост.). Переносное значение возникало в определённых сочетаниях и характеризовало только просторечие: *пасмурный вид*, *кислое лицо*, *мяться с ответом*, *ловить удачу*. Переносные

контекстуальные значения отмечены и у грубых по смыслу слов, но такие слова не попали в литературную речь: *лупить (взятки), наплесть чепуху, плестись в хвосте, слетать за чем, плевать на что, тащиться* и т. д. Всё это глаголы, выражающие эмоцию непосредственно и указывающие на признак, важный именно в данный момент речи. Это до конца не развитое содержание (образ) нового понятия, никак не фиксированное в самостоятельном слове. В САР перечислены сотни таких глаголов с пометой «простонародное»: *барахтаться, бацнуть, буркнуть, буянить, валандаться, втюрить, гаркнуть, глезеть, грабаздать, дрыхнуть, егозить, канючить, корпеть, куролесить, ляпать, ластиться, маячить, наяривать, приструнить, рухнуть, стакнуться, тормошить, тузить, хапать, цапать, чокнуть* и др.

Аналогичные прилагательные (также в переносном значении: *белобрысый, взбалмочный, визгливый, дохлый, задушевный* и под.), не в пример глаголам, впоследствии развивали соответствующие понятия в случае, если признак давал отвлечённое содержание (ср. *взбалмошность, визгливость, задушевность*), и как таковые входили в состав литературной речи. Если имя прилагательное создаёт образное содержание понятия и в принципе на этом может создаваться новое понятие, то глагол путём расширения контекста увеличивает объём того же самого понятия: *слупить яйцо – взятку, наплести ткань – враньё, плевать на пол – на дело, слетать (о птицах) – за пивом* и т. д. (здесь отвлечённое значение не становится зачатком нового понятия). За разборчивостью литературной речи скрывается кардинальное свойство русской ментальности: её целомудренность, отчуждение от грубого и скверного в общении «на людях».

Ю.С. Сорокин отметил и следующую особенность в толкованиях САР: здесь генетически одно и то же слово относится к разным стилевым уровням в зависимости от своей формы, ср. *болярин* – «славенское», *боярин* – «простое», *барин* – «просторечное»; *вестимо* – «простонародное», *вестимый* – «просторечное» и т. д. (см. [6]). Данный факт указывает на то, что к концу века стили в смысле, понимаемом Ломоносовым, уже не действовали на практике, в силу входили стили функциональные. На материале, представленном в статье Ю.С. Сорокина, можно показать движение просторечной и простонародной (диалектной) лексики (см. табл. 1).

Таким образом, из 267 слов, описанных Ю.С. Сорокиным, в литературный обиход вошло 68 слов и ещё 61 слово – на правах разговорных, но «окололитературная лексика» также со временем не миновала разговорного статуса (ещё 60 слов). Итого 189 слов (70%) в той или иной степени проникли в сферу «литературной» речи. Такой большой процент определяется показаниями САР, в действительности же он был значительно ниже. В разных местах России употреблялись свои просторечные и простонародные формы, неизвестные в других местностях. САР отмечает только те диалектные формы, которые по своей распространённости уже стали общерусскими, то есть по крайней мере по одному признаку – общеупотребительности – приблизились к литературным словам. Во втором издании словаря они уже указаны без помет.

Г.П. Князькова приводит полные списки просторечных слов согласно их определению в САР [7]. Обычно это однозначные слова (или фиксируются как однозначные), что вполне понятно: это ситуативно возникшие значения-образы,

Табл. 1

Движение просторечной и простонародной лексики (по материалам САР [6])

	Просторечные слова	Простонародные слова
Вскоре вошли в литературный язык	<i>быт, дельно, жадный</i> (всего 25 слов)	<i>барахтаться, белобрысый, впервые, вычурь, рухнуть</i> (всего 43 слова, в основном глаголы)
Тоже вошли, но на правах разговорных	<i>подбочениться, бурчать, коверкать, ковырять</i> (всего 30 слов)	<i>ахиня, балагурить, дребедень, зубоскал</i> (всего 31 слово)
Сохранили свой околотитурный колорит	<i>бурда, головорез, жрать, издохнуть, пустомеля</i> (всего 34 слова)	<i>авось, валандаться, втюрить, вякать, дрыхнуть, хапать</i> (всего 26 слов)
Перестали употребляться	<i>варахтать, вдругоредь, собить, шильничать</i> (всего 32 слова)	<i>бахарь, балабон, зобать, колты, наянливый</i> (всего 46 слов)

подвёрстанные под литературное слово родового значения на правах видовых вариантов, представленных в разной степени экспрессивности (см. слова типа *рожа, харя, рыло – лицо; жрать, лопать, трескать, уплетать – есть* и т. д.).

В известном смысле присутствие в литературном языке родовых слов обеспечивалось наличием подобных разговорных вариантов, они «поддерживали» род своими видовыми оттенками, возникавшими метафорически: *чурбан, тупица, тряпка, пень... > дурак*. В принципе скольжение каждого данного признака может происходить бесконечно, повторяясь неоднократно, и «родовое слово» провоцирует появление образных своих заменителей.

Все языки сходны в словах прямого (номинативного) значения, выражающих понятия (это и есть средний стиль речи), но в корне различаются словами экспрессивно-оценочными. В одних языках оценочность проводится с точки зрения интеллектуальной, в других – эмоциональной или волевой. Русский язык относится ко вторым – в соответствии с духом русской ментальности, порывистой и эмоциональной. Своё значение имело и другое свойство ментальности, напрямую связанное с языком. Символизм большинства русских слов требует раскрытия символа путём уточнения образом: *лицо* – это *рожа... харя... хайло...* и т. д., то есть в каждом конкретном случае не только лицо, но и ещё нечто, важное для говорящего. Понятийный уровень русской ментальности предстаёт многослойным. Не только слово родового значения (гипероним) участвует в построении русского понятийного мышления, но и вся совокупность видовых и всякого рода образных (оценочных) слов. Это понятийное мышление тем самым системно.

Другая особенность русской ментальности состоит в преобладании эмоционально-отрицательных значений разговорных слов. Так, у Андрея Болотова в знаменитом его жизнеописании, составленном им самим в конце XVIII века, понятие «привыкнуть» передаётся словами *наблотишься, оборкаться*, «суета» – *колты, суторма*, «мошенничать» – *шильничать*, «трогать» – *барабошить, шишилять*, «наказывать» – *тазать, тузить, оттаскать*, «выгнать» – *вытурить, отбрить, сжить с рук* и т. д. Это и есть норма просторечия низкого стиля – она

состоит в намеренном отказе от литературной нормы, которая всё больше становится языком интеллектуального действия с выражением понятия как основной содержательной формы слова. Образ как низшая содержательная форма остаётся за пределами литературного языка, сохраняясь, однако, как факт языка литературы.

5. Язык «словесного» периода

«Фонвизин относится к писателям Ломоносовского периода русской литературы», – писал В.Г. Белинский. Но этот писатель расширял «успешное употребление просторечия», – добавил Я.К. Грот. В этих двух высказываниях находится правда того, третьего по счёту, периода развития нового литературного языка, который мы условно назвали «словесным».

Согласно общепринятому мнению, в послеломоносовское время (с 60-х годов XVIII столетия) влияние Ломоносова и его теории трёх стилей было определяющим. С точки зрения А.И. Горшкова, наоборот, не эта ломоносовская теория оказывала своё воздействие на сложение новых норм, поскольку тогда в средний стиль всё чаще и всё больше включался и низкий стиль: в «Опыте риторики» И.С. Рижского (1796) «низкий» стиль – разговорный, в качестве примера указываются «Письма русского путешественника» Карамзина [8]. Происходит подмена понятий: в сентиментализме средним стилем стали считать низкий стиль классицизма, а низким стало просторечие.

Это важное замечание подтверждает высказанную выше точку зрения об идеальности («простоте») среднего стиля в момент его постулирования. Но, кроме того, изменилось соотношение между стилями, тогда как *само трёхчастное их строение сохранилось неизменным*. Между тем (согласно самой теории) это соотношение *относительно*, а открытость системы позволяет ей изменяться. На оппозицию «высокий – низкий (стиль)» стало накладываться противопоставление «книжный (новый стиль) – разговорный (живой язык)». Художники слова «словесного периода» (40-80-е годы XVIII века) уже не работают в системе классицизма – их деятельности найдено удачное название «просветительский реализм». Академик В.В. Виноградов справедливо указал, что «Радищев, Фонвизин, Державин, Новиков с разных сторон и в разных направлениях открывают литературе новые средства выражения и новые сокровища живого слова. Они производят сложную перегруппировку языковых элементов. Их творчество не вмещается в рамки трёх стилей, возникает разрыв между формальными языковыми схемами литературы и между живой семантикой “языка народного, языка общественного, языка русского”, как выражается Радищев» [9, с. 163].

Имеет место смешение понятий: смешиваются «стиль» и «язык» как проявления художественного метода и «теория стилей» как установка на литературную норму, которая постепенно организуется путём выработки гиперонимов на основе среднего стиля. Во втором смысле «стиль» продолжает действовать. Это сущностное содержание ломоносовской теории трёх стилей. В первоначальном своём варианте эта теория имела целью подведение итогов развития книжной речи посредством классификации литературных жанров. Это проявление теории относительно и временно. Оно проверяется общим стилем жизни

того времени, когда теория складывалась. Иное дело – удачно найденная роль среднего стиля как точки пересечения высоких символов и низких образов с целью «конструирования понятий». Это проявление теории действует до сих пор, постоянно возвышая образные пласты народной речи до уровня литературных понятий.

Summary

V. V. Kolesov. Lexical Changes in the Boundaries of the Three Styles.

The article analyzes Lomonosov's theory of the three styles. It also considers the basic developmental stages and the correlation of Russisms and Slavisms in the Old Russian period. The study involves extensive factual material collected from a variety of historical sources. The research matches Russisms with archaisms and proves that the opposition between the concrete-common and the abstract-high vocabulary is not genetically determined. The paper traces the history of the three-part system of the stylistic fund of the Russian literary language.

Keywords: style, Slavic linguistic fund, Russian mentality, estimation, axiology.

Литература

1. Древнерусский язык домонгольской поры. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991. – 216 с.
2. Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII веков. Старшая разновидность. – Л.: Наука, 1989. – 295 с.
3. Аверьянова А.П. Рукописный лексикон первой половины XVIII века. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – 399 с.
4. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). – М.: Учпедгиз, 1952. – 272 с.
5. Замкова В.В. Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке XVIII в. – Л.: Наука, 1975. – 223 с.
6. Сорокин Ю.С. Разговорная и народная речь в «Словаре Академии Российской» (1789–1794) // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – С. 95–160.
7. Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII века. – Л.: Наука, 1974. – 253 с.
8. Гориков А.И. Теория и история русского литературного языка. – М.: Высш. шк., 1984. – 319 с.
9. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX веков. – М.: Высш. шк., 1982. – 529 с.

Поступила в редакцию
28.01.13

Колесов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: prof.kolesov@gmail.com